

Иосиф Дзялошинский,
профессор Государственного университета –
Высшая школа экономики,
кандидат филол. наук
imd2000@yandex.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ - оказание материальной помощи нуждающимся как отдельными лицами, так и организациями. Благотворительность может быть направлена на поощрение и развитие каких-либо общественно значимых форм деятельности (например, защита окружающей среды, охрана памятников культуры).

МИЛОСЕРДИЕ - сострадательная любовь, сердечное участие в жизни немощных и нуждающихся (больных, раненых, престарелых и др.); деятельное проявление милосердия - различного рода помощь, благотворительность и т.п.

Большой энциклопедический словарь

Счастливы те, кто щедры во все времена.

Псалмы, 106:3

Я не считаю себя специалистом в области благотворительности, никогда ею не занимался и, как большинство обывателей, отношусь к этому общественному институту с известной долей скептицизма. Однако такая позиция внешнего наблюдателя имеет не только вполне очевидные отрицательные, но и некоторые положительные моменты. По крайней мере, она позволяет ставить вопросы, которые вряд ли будут задавать те, кто посвятил себя этому делу.

И первый вопрос, который кажется детски наивным и на который даны тысячи ответов, вроде тех, что приведены выше, формулируется очень просто: **Что такое благотворительность?**

Очевидно, что ответ на этот вопрос предполагает выбор какого-то концептуально-понятийного аппарата. В качестве такового в рассматриваемом случае можно предложить мораль, религию, экономику или корпоративную политику. То есть благотворительность можно рассматривать как требование морали, религиозный постулат, элемент экономических выгод или часть корпоративной политики. Однако я полагаю, что наиболее перспективными концептами, в рамках которых можно более или менее удовлетворительно описать благотворительность, являются *теория деятельности* и *теория социальной коммуникации*. О коммуникационном подходе к благотворительности мне уже приходилось писать.¹ Это подход интересный, но явно не основной. В качестве основного, по моему мнению, надо рассматривать деятельностный подход.

С точки зрения этого подхода благотворительность рассматривается как система, основными элементами которой, нуждающимися в глубоком анализе, являются:

- инициаторы (субъекты) благотворительности;
- адресаты благотворительности;
- цели благотворительности;
- мотивы благотворительности;
- принципы благотворительности;
- поводы благотворительности;
- предмет благотворительности;
- посредники, возникающие между благодетелем и нуждающимся;
- институты благотворительности;
- ресурсы благотворительности;
- технологии (способы) благотворительности;
- эффекты благотворительности.

Возможно, есть и другие элементы этой системы.

¹ И.Дзялошинский. Герменевтика благотворительности. <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/statii/germenevtika.htm>.

Вопрос второй: **Зачем нужна благотворительность? В чем ее социальный смысл** (не цели, а именно смысл)?

Любая деятельность представляет собой сложно организованную систему, имеющую три уровня:

- 1-й уровень – технология;
- 2-й уровень – идеология;
- 3-й уровень – философия.

Что касается *технологии*, то есть совокупности методов и инструментов, используемых для достижения желаемого результата в рамках данного вида деятельности, то здесь согласие обычно достигается довольно быстро и главное слово принадлежит практикам.

Сложнее обстоит дело с *идеологией*, которая позволяет объяснить и обосновать действия индивида. Обычно мы имеем дело с некоторым множеством идеологий, которые формируют и разрабатывают для себя и под себя практически все действующие в пространстве той или иной деятельности субъекты. Множество «идеологий» конкурируют друг с другом в борьбе за сознание тех профессионалов, которые обеспечивают, в конечном итоге, выигрыш наиболее удачной идеологии, приносящей наибольшие дивиденды.

В фундаменте социальных технологий и идеологий лежит более глубокий пласт оснований, связанных с архетипами, алгоритмами, языковыми дискурсами, «археологией» и историей данного вида деятельности. Именно эти основания, иногда трудно артикулируемые, но придающие смысл деятельности, можно назвать ее *философией*.

Эти рассуждения имеют прямое отношение к той сфере социальных практик, которая называется благотворительностью.

Благотворительность существовала всегда. Но, принимая разные формы, она опиралась на различные схемы обоснований. В архаических

обществах смысл благотворительности заключался в общинном противодействии чрезмерному обнищанию некоторых членов общины. Под эту социально понятную обязанность благополучных членов общины подводилась внушительная идеологическая база. Дело доходило до того, что благотворительность рассматривалась не просто как помощь конкретному члену общины, а как преодоление общей несправедливости мира. В Талмуде благотворительность обозначается словом *цдака* (צדקה). Поскольку это слово означает буквально «праведность» или «справедливость», то сам выбор его свидетельствует об отношении законодателей Талмуда к благотворительности. (Одновременно это означает, что комментаторы священных книг хорошо понимали несправедливость Бога, создавшего этот несправедливый мир. Чтобы выкрутиться из этой щекотливой ситуации, мудрецы придумали замечательную формулу: «Всевышний мог бы распределить богатство поровну между всеми людьми. Но если бы все были богатыми или бедными, то кто был бы щедрым?»)

По мере усложнения отношений в общине, понадобилось более сложная доктрина. Вот как ее реконструируют современные толкователи: «С точки зрения цифр может показаться, что занятие благотворительностью ухудшает финансовое положение человека. Но если мы признаем, что Б-жье благословение является первоисточником богатства, то благотворительность следует рассматривать как самое разумное вложение капитала. Человек, у которого возникали финансовые затруднения, должен увеличить свой вклад в благотворительные цели, тогда он сможет рассчитывать на Б-жье благословение. «Платите десятину, чтобы иметь возможность преуспевать», – говорят наши мудрецы (*Талмуд, Таанис, 9a*). Благотворительность открывает пути для получения богатства с Небес. Действительно, прежде чем определить, в какой мере благословить человека, Б-г часто наблюдает за тем, сколько он отдает из уже имеющегося богатства на нужды другим»².

² Благотворительность и богатство. <http://www.chassidus.ru/library/jacobson/charity.htm>.

Другими словами, благотворительность – это способ завоевать себе благословение Божье.

Христианство, независимо от конкретной формы своего воплощения, впитало эти идеи и добавило к ним новые. В частности, речь идет о таких ценностях, как равенство и свобода. «Обе эти ценности числились среди фундаментальных основ христианской традиции, с которой идентифицировали себя европейцы – и это казалось вполне естественным. С одной стороны, религия, претендующая на универсальный характер, не могла не проповедовать равенство своих адептов – пусть даже такое ограниченное, как равенство перед лицом Всевышнего («Нет предо мною ни эллина, ни иудея» – говорит Иисус; Ветхий Завет рассказывает, что человек был создан Господом одним и единственным – прежде всего для того, чтобы показать, как приятно Ему «единство среди множества»). С другой стороны, сама идея грехопадения – как и вся моральная доктрина христианства – предполагают за человеком возможность выбора между добром и злом, и тем самым утверждают свободу воли, которая лежит в основе всех остальных свобод человека. Таким образом, в рамках христианской традиции удачно соединились идеи равенства и свободы – что и определило способность принявшей эту доктрину цивилизации к быстрому поступательному развитию. Более того; это развитие было тем успешнее, чем жестче церковь была отделена от государства и чем мощнее были ее позиции («подъем христианской церкви [как противовеса мирской власти] – первейший источник свободы на Западе», утверждает Ф. Закария)»³.

Понятно, что резкое расслоение общины на имущих и неимущих противоречило основополагающим идеям свободы и равенства. Благотворительность была прекрасным способом доказывать свою приверженность этим ценностям. Тем более что «в XVIII-XIX столетиях западные философы вышли за пределы христианской теории равенства и

³ Иноземцев В. Социобиологическая природа противоречий XXI Века. В кн.: Постчеловечество. М.: Алгоритм. 2007. С. 10-11.

свободы. Они сочли, что равенство должно распространяться не только на религиозную, но и на социальную сферу, потребовав отмены сословий; и что свобода должна доминировать также и в политической области – вплоть до свободы выбора не только веры, но и правительства. Справедливости ради нужно заметить, что истоки этих представлений вполне могут быть обнаружены у святых отцов западной церкви. Так, например, в начале XIII века св. Фома Аквинский говорил о том, что подчинение слабого сильным, неизбежное в ходе становления общества, не должно стать базой социального строя и в перспективе будет искоренено; он же настаивал на том, что «если группа свободных людей руководима правителями во имя общего блага всей группы, такое правительство оправданно и справедливо, как отвечающее потребностям людей; если же правительство создается не для общего блага всех, а во имя частного интереса правителя, оно будет несправедливым и извращенным правительством»⁴.

Совсем другой смысл благотворительность приобрела во времена расцвета классического капитализма, или, как сейчас говорят, в эпоху модерна. И, как свидетельствует В. Иноземцев, если за судьбы политического равенства можно было «не волноваться» уже к началу XIX века, когда американская и французская революции провозгласили равенство граждан перед законом и объявили народ источником суверенитета, то борьба за экономическое равенство только еще начиналась. Сначала так называемые «утописты» начали рассуждать о некоем идеальном государстве, граждане которого хотя и бедны, но уравниены в экономических правах; затем Ш. Фурье и немецкие коммунисты осудили буржуазное общество как воспроизводящее неравенство; потом К. Маркс и Ф. Энгельс создали концепцию, согласно которой капиталисты обогащаются за счет эксплуатации рабочих, которые лишены средств производства и потому вынуждены продавать свою рабочую силу. Основной задачей с этого

⁴ Иноземцев В. Социобиологическая природа противоречий XXI Века. В кн.: Постчеловечество. М.: Алгоритм. 2007. С. 11-12.

момента провозглашалось устранение этой эксплуатации и тех социальных условий, которые делали ее возможной. Основоположники марксизма – и в этом вряд ли стоит сомневаться – были искренне уверены в осуществимости этой благородной задачи и боролись за ее воплощение в жизнь.

Современные общества Запада стали индустриальными уже в конце XIX века. Однако имущественное неравенство, сопровождавшее процессы промышленного развития, достигло к тому времени уровня, явно угрожавшего социальной стабильности. Наиболее дальновидные представители имущих классов понимали, что благотворительность может выступить прекрасным средством снятия социальной напряженности, заменителем социальной революции. Как свидетельствует профессор питерского филиала Высшей школы экономики Даниил Александров, первые крупные американские фонды – Пибоди, Карнеги, Рокфеллера и Сейдж – были созданы до принятия первого федерального закона 1913 года, предоставившего налоговые льготы при передаче части доходов благотворительным организациям⁵.

Как пишет Д. Александров, в Америке до 1910 года по статистике было основано 146 различных благотворительных фондов. При этом желание завещать деньги на благое дело или даже передать их при жизни, никак не было связано вначале с надеждой на освобождение от налогового бремени. Более того, общая статистика движения денежных средств, принадлежащих фондам, не показывает резкого роста объемов финансирования, выделяемых на благотворительность после 1913 года, хотя, конечно, число фондов и их суммарные активы продолжали все время расти⁶.

Однако, что очень важно, учредители этих фондов были уверены, что сумеют более грамотно использовать имеющиеся ресурсы для борьбы с социальным злом во всех его формах, таких как нищета, безработица,

⁵ Александров Д. Системная благотворительность. <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>.

⁶ Там же.

неграмотность, фанатизм, чем это сумело бы сделать федеральное правительство США, забирая оно в свое время все эти деньги в виде налогов.

По аналогии с созданием крупных холдингов или трастов в сфере экономики в области благотворительности бизнесмены стали организовывать крупные корпорации с диверсифицированными интересами. Недаром главный фонд Карнеги, основанный в 1911 году, назывался «Корпорация Карнеги в Нью-Йорке». Развитие фондов, несомненно, шло в атмосфере конкуренции между их основателями, вышедшими на новый рынок – рынок благотворительности, где возврат инвестиций происходил в символической форме престижа.

При этом с самого начала благотворительность рассматривалась не просто как оказание помощи нуждающимся, а как освоение новой сферы приложения своих ресурсов и талантов. «Эти предприниматели, создававшие новые предприятия на пустом месте, так же относились к созданию новых университетов, музеев, библиотек и благотворительных фондов. Этот дух индивидуального предпринимательства, заметно присутствующий в большой благотворительности, в наиболее яркой форме выражен в США, а не в других странах»⁷. Другими словами, благотворительность стала для крупных бизнесменов сферой приложения предпринимательского таланта.

Потомки, как это обычно бывает, превратили благотворительные фонды в обычные мегапредприятия, в которых менеджеры и эксперты играют такую же решающую роль, как и в других формах бизнеса. И понятно почему. В благотворительности, так же как в предпринимательстве, действуют простые законы: необходимо получить максимальную прибыль от вложенных денег. Просто в благотворительности эта прибыль нематериальна и не имеет никакого отношения к бизнесу благотворителя. Новое поколение американских филантропов-мультимиллионеров, предпринимателей, выросших на высокотехнологическом бизнесе, так называемых «хай-тек-благотворителей», еще раз доказало эту простую истину.

⁷ Александров Д. Системная благотворительность. <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>.

Что касается современной России, то идеология благотворительности здесь опирается на очень простые тезисы.

1. Есть богатые люди и богатые организации. Есть бедные люди и бедные организации. Богатые должны помогать бедным.

Дальше приводится длинный список обоснований.

2. Государству функцию оказания помощи бедным людям и бедным организациям доверить нельзя, потому что государство решать социальные проблемы не умеет.

Дальше приводится длинный список обоснований.

3. Именно богатые люди, ставшие богатыми благодаря своему предпринимательскому таланту, сумеют с помощью своего таланта и опыта профессионалов, работающих в благотворительных фондах, куда лучше помочь бедным и решить социальные проблемы.

Дальше приводится длинный список обоснований.

4. Чтобы поток помощи от богатых к бедным увеличился, надо чтобы государство уменьшило налоговые тяготы богатых, стимулируя их помогать бедным.

Дальше приводится длинный список обоснований.

Российские специалисты, выбравшие в качестве ориентира американскую модель благотворительности, утверждают, что «развитие благотворительности в России давно переросло рамки традиционного меценатства и безвозмездной помощи обездоленным. Конечно, и сейчас существует много добрых людей, готовых жертвовать по велению сердца, не задумываясь о программности своих действий. Но появилось и другое понимание благотворительности. Крупные предприятия выработали свои социальные программы, которые вписываются в концепцию социальной ответственности бизнеса»⁸.

⁸ <http://www.asi.org.ru/ASI3/main.nsf/d/blag>.

В другом документе утверждается, что «стойкая тенденция последних двух лет – «мода» на благотворительность. Все больше компаний и предпринимателей – представителей не только крупного, но и среднего, и мелкого бизнеса, – охотно тратят средства на благотворительные цели».⁹

Под эту тенденцию подводится солидная теоретическая и нормативная база. И есть огромное количество аргументов, доказывающих позитивность этой тенденции. Однако я позволю себе слегка усомниться в истинности этого общераспространенного мнения.

Сейчас наступает новая эпоха, у которой есть множество названий. Не вдаваясь в анализ большого количества трудов, в которых рассматривается различные аспекты этой новой эпохи, отмечу одно важное обстоятельство, имеющее прямое отношение к теме благотворительности. **Доминирующее место в составе имущих классов начинают занимать люди, главным богатством которых являются знания, конвертируемые ими во все другие блага.** Высококвалифицированные специалисты, собственники «интеллектуального капитала»¹⁰ образуют так называемый «класс профессионалов», вхождение в который, повторю, требует уже не просто диплома о высшем образовании, а высочайшей квалификации и большого опыта. Это разносторонне образованные люди, сведущие в финансах, страховании, коммуникациях, торговле, управлении. Эти люди имеют дело с формулами, аналогиями, моделями, интеллектуальными конструкциями, категориями и сравнениями. Их задача заключается в том, чтобы в хаосе обрушивающейся на них информации выделить и переосмыслить нужные данные и придать им иной порядок¹¹.

Для обозначения этих людей все чаще используется понятие «транспрофессионалы»¹². К этой категории сотрудников можно причислить:

⁹ Благотворительность в России. Ведомости. 06.03.2007.

¹⁰ Подробнее см.: Иноземцев В. Личное против частного? Размышления о путях трансформации отношений собственности. // Общество и экономика, 1997, №№ 9-10. С. 3-22.

¹¹ См.: Perrot E. Penser la mondialisation //Recherches de science religieuse. – P., 1998. – Vol. 86, N 1. – P. 34.

¹² См.: Perkin G. The third revolution: Professional society in international perspective. – L., 1996; Малиновский П.В. Глобализация и кризис цивилизационной идентичности. - <http://top.cpt21.ru/pub/8>; Базарова Т.Ю. Управление персоналом. - <http://lib.rin.ru/doc/i/15955p4.html>.

программистов, юристов, дизайнеров, консультантов, экспертов и аналитиков, бизнес-тренеров и людей многих других профессий, способных без физических средств производства и без поддержки организации создать готовый продукт. Сюда же можно отнести профессиональных менеджеров, которые должны быть готовы свободно, за счет своего мышления и способов организации своей деятельности работать в различных профессиональных средах.

В первую очередь эти специалисты («золотые воротнички») ориентированы на оперирование в своей работе информацией и знаниями, их профессиональная деятельность не зависит от собственности на средства и условий производства. Многие из них определяют свои наиболее принципиальные интересы не в терминах максимизации личного богатства, а в категориях собственного интеллектуального роста и развития.

Проведенные исследования показывают, что акценты во внутренней мотивации интеллектуальных работников значительно отличаются от акцентов в мотивации традиционных сотрудников. Наиболее значимым мотивом становится стремление к новому: новому опыту, новым задачам. При этом на второй план уходят такие традиционные мотиваторы, как материальное и нематериальное вознаграждение, комфортность рабочего места, график работы. Развитие становится основой внутренней мотивации «золотых воротничков».

Доля транспрофессионалов в структуре работников неуклонно растет. Западные исследователи относят к этой категории не менее 30 процентов всего работающего населения, и эта цифра все время увеличивается. В России доля «золотых воротничков» существенно меньше, но тоже очень быстро растет. Именно представители этой новой социальной группы, которая стала формироваться в своем нынешнем виде с середины 80-х годов прошлого века, и стали носителями идей «революции интеллектуалов». «Революция интеллектуалов» основана на новом качестве современного образования и нового отношения к нему. Ввиду роста стоимости образования

образованная страта замыкается, отсеивая посторонних. В цитированных выше статьях В. Иноземцева приведены красноречивые статистические данные, свидетельствующие о нарастании этих процессов.

Новый «высший класс» стремительно консолидируется. Его представители, «успешно строят карьеру, которая позволяет им реализовать свои способности и добиться уважения; на них работает технология, расширяя их возможности для выбора и повышая степень их свободы; ...они начинают тяготеть друг к другу, получая, благодаря своему богатству и техническим средствам, все более широкие возможности совместной работы и тесного общения в полной изоляции от остальных»¹³. Сегодня это отмечают многие социологи, одни – с удовлетворением, другие – с озабоченностью. При этом рост благосостояния фактически не затрагивает большинства работников даже среднего, и тем более низшего эшелона; поэтому можно согласиться с тем, что хотя «даже в Америке всегда существовал привилегированный класс, никогда ранее он не находился в такой опасной изоляции от окружающего мира»¹⁴.

Богатство «класса интеллектуалов» оказывается не следствием эксплуатации трудящихся, а во все большей мере выступает результатом его собственных усилий. Поэтому для представителей этого класса имущественное неравенство более не является синонимом социальной несправедливости, будучи скорее естественной чертой новой цивилизации.

С другой стороны, в развитых странах резко возрастает количество людей, которых нобелевский лауреат Г. Мюрдаль назвал «underclass'ом»: «ущемленный в своих интересах класс, состоящий из лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов»¹⁵

¹³ Herrnstein, Richard J. and Murray, Charles. The Bell Curve. Intelligence and Class Structure in American Life, New York: The Free Press, 1994, pp. XXI-XXII.

¹⁴ Lasch, Christopher. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy, p. 4.

¹⁵ Myrdal, Gunnar. Challenge to Affluence, New York: Pantheon Books, 1963, p. 10.

Под такое определение подпадает весьма значительная часть граждан современных постиндустриальных обществ. В условиях роста доли национального богатства, присваиваемого «классом интеллектуалов», добросовестного труда наемного работника уже недостаточно для получения дохода, позволяющего относить себя к среднему классу, как это было в индустриальную эпоху. Сегодня, в то время как обладатели уникальных знаний и способностей оказываются в привилегированном положении на рынке труда, низкоквалифицированные работники попадают в гораздо более тяжелое положение, так как даже «стабильный экономический рост не может обеспечить их «хорошими» рабочими местами, как это было в прошлом»¹⁶

Все сказанное выше означает, что ряды относительно неимущих будут пополняться, уровень социальной напряженности повышаться, что, собственно говоря, уже происходит и в развитых странах Запада, и в России. Известный социолог Лев Гудков констатирует: «Социальная зависть в стране увеличивается параллельно росту благосостояния. Однако сильнее россияне завидуют не богатым и знаменитым, не олигархам и большим начальникам, которых большинство видит только по телевизору, а чуть более обеспеченным соседям»¹⁷. Что касается богатства и благополучия, то они в «представлении граждан объясняются доступом к власти, злоупотреблениями чиновников, коррупцией, спекуляциями, но никак не модернизацией и ростом производства, эффективностью труда, инновациями»¹⁸.

И еще одна цитата: «Если определять в категориях западной системы стратификации, то максимум недовольства и напряжения отмечается в группах, занимающих место между «средненизким» и «низшим» классами. Между теми, кто сохраняет свое прежнее положение или поднялся до него, и теми, кто сегодня стоит на нижних ступеньках социальной лестнице

¹⁶ Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary and Weinberg, Daniel. "Introduction" in: Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary D. and Weinberg, Daniel H. (eds.) *Confronting Poverty. Prescriptions for Change*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1996, p. 10.

¹⁷ Новая русская зависть. http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml.

¹⁸ Там же.

(составляющих нижнюю треть). Напряжение связано со статусной неопределенностью или неустойчивостью социального положения: человек остро переживает свое социальное снижение или, что тоже очень характерно для зон напряженности, он даже реально поднимается вверх, но боится опять опуститься по лестнице социальной иерархии. Вот здесь — на стыке среднего и нижнего уровня статусов — и возникают наибольшее напряжение и наибольшая зависть. Те, кто ниже среднего, соотносят себя со средними и испытывают острый комплекс неполноценности от того, что они не могут достигнуть среднего уровня, быть по меньшей мере «как все». Причем напряжение равносильно, поднимается ли жизненный уровень этой группы или опускается. В социально-профессиональном плане, как правило, эти люди – бюджетники, специалисты с высоким уровнем образования и низкими доходами. Здесь фиксируется наибольший разрыв между самооценкой и действительностью, то есть тем, что им, по их представлениям, положено получать, и тем, что они имеют»¹⁹.

Все это означает, что идет формирование принципиально новой социальной среды, в которой традиционные схемы и обоснования благотворительной деятельности срабатывать не будут.

Во-первых, размывается класс нуждающихся.

Во-вторых, иссякает энтузиазм благотворителей, которые начинают понимать, что никакими, даже самыми масштабными акциями невозможно решить ни одной более или менее значимой социальной проблемы.

В-третьих, происходит ренессанс государства. (Например, Российское государство после прихода к власти Владимира Путина, взяло линию на концентрацию в своих руках всех основных ресурсов социального развития во всех сферах жизнедеятельности общества. Властные структуры берут под свой контроль в том числе и те ресурсы, которые бизнес готов вкладывать в благотворительность.)

¹⁹ Новая русская зависть. http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml.

Ну, и наконец, невозможно не сказать обо все увеличивающемся и не имеющем тенденции к снижению количестве природных, технологических и социальных катастроф, влекущих за собой огромные человеческие бедствия. При этом каждая такая катастрофа становится и для отдельных государств и для мирового сообщества неожиданностью, поводом для лихорадочных, суматошных действий, и привлечения огромного количества дилетантов и благотворителей. Между тем понятно, что пришло время для создания глобальных систем мониторинга, предупреждения и ликвидации последствий такого рода катастроф, которыми должны заниматься соответствующие специалисты и специальные фонды.

Что же делать в этих условиях?

Во-первых, вернуться к обсуждению и поиску ответов на поставленные в начале этой статьи вопросы.

Во-вторых, точно определить обязанности государства и межгосударственных институтов в сфере решения основных социальных проблем и позволить ему, государству, иметь для этого достаточные материальные и финансовые ресурсы. Разумеется, при полной прозрачности деятельности власти, с одной стороны, и праве на общественный контроль ее действий, с другой стороны.

В-третьих, расстаться с иллюзией, что благотворительность, какие бы масштабы она не принимала, может решить социальные проблемы.

В-четвертых, благотворительность должна самоорганизовываться не как область деятельности владельцев крупных состояний и обслуживающих их экспертов и профессионалов, решающих, куда направить консолидированные финансовые ресурсы, а как арена массового социального творчества среднего класса. Именно здесь представители среднего класса могут найти ускользающий смысл жизни.

В-пятых, надо найти новую философию благотворительности, дающую убедительные обоснования как для благотворения, так и для благополучения.

В-шестых...

В-седьмых...